

Jizchak Katzenelson

Ицхак Каценельсон

Ицхак Каценельсон

**Сказание
об истребленном
еврейском народе**

Jizchak Katzenelson

***Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk***

“ ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ”

МОСКВА 2000

ББК 84(0)6
К 12

Выход этой книги стал возможным благодаря участию
Artur Brauner, Berlin
Mortiz Gertler, Frankfurt
Celina Kowalsk, Berlin
Arno Lu t ger, Frankfurt
Leon Reich, Frankfurt
Rafael Roth, Berlin

Каценельсон Ицхак

К 12 Сказание об истребленном еврейском народе *Dos lied vumet oisgehargetn jidischn volk* Пер. Е. Г. Эткин-да под ред. Ш. Маркиша; Лат. транскрипция, ст. и коммент. А. Лустигера; Ст. В. Бирмана. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.: ил.

ISBN 5 7859 0107 2

Поэт Ицхак Каценельсон родился в 1886 г и погиб в мае 1944 г. в Освенциме. В конце 1945 г поэма была впервые опубликована в Париже на идиш. В поэме безусловность и не посредственности дневника сосуществует с эмоциональной и отстраненностью искусства. Вся она достоверное свидетельство человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь своего изложения

ББК 84(0)6

В оформлении издания использована фотография из книги The Warsaw Ghetto: The 45th Anniversary of the Uprising Interpress Publishers Poland. 1988

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246 20 20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu.net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0107-2

9 785785 901070 >

- © Е. Г. Эткинд Перевод на рус. яз., 2000
- © А. Лустигер. Статьи и комментарии, 2000
- © В. Бирман. Статья, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Об авторе и его поэме	7
От переводчика	9
И. Каценельсон.	
Сказание об истребленном еврейском народе (Dos lied vumem ojsgehargetn jidischn volk)	13
А. Лустигер.	
Примечание к поэме Каценельсона и ее фонетической транскрипции	191
А. Лустигер	
Комментарии к тексту поэмы	194
А. Лустигер.	
Еврейское сопротивление нацистскому режиму	201
В. Бирман.	
Ицхак Каценельсон, еврей	213

Об авторе и его поэме

Ицхак Каценельсон родился около Новогрудска (Минская обл.) в 1886 году. Первое стихотворение сочинил в 12 лет, в 1898 г., под впечатлением процесса Дрейфуса («Дрейфус и Эстергази»). Первая книжка его стихов на иврите «Димдумим» (Сумерки) вышла в 1910 г. В 1912 г. он основал в Лодзи театр «Хабима Ха-иври» (Еврейская сцена), поставивший пьесу Гуцкова «Уриель Акоста». Этот спектакль был показан во многих городах России.

Перед началом войны Каценельсон основал целую сеть еврейских школ в Лодзи. Он женился на своей секретарше Хане в 1926 году.

В 1937 году в Лодзи вышли в свет три поэтических сборника Каценельсона, иллюстрированные художником Барчинским (см. о нем в поэме).

1 сентября 1939 г. немцы напали на Польшу. Три недели спустя Каценельсон переехал в Варшаву с семьей (жена, трое сыновей). 4 декабря гаулейтер Лодзи Грейзер объявил о том, что Лодзь должна быть очищена от евреев («юденфрей»), так как она присоединена к Германии под названием Лицманштадт.

12 октября 1940 г. объявлено создание Варшавского гетто; евреи должны сами нести расходы на построение стены вокруг гетто; длина стены 18 км, высота 3,5 метра. 22 июля 1942 г. евреев начали депортировать из Варшавского гетто в Трелинку, где за год — до 2 августа — уничтожено 875 000 человек.

23 июля 1942 г. кончает с собой председатель варшавского Юденрата Адам Черняков; его предсмертная записка гласит: «Они требуют от меня, чтобы я своими руками уничтожил детей моего народа. Мне ничего не остается, как умереть». (О его смерти см. в поэме.)

14 августа 1942 г. Хана Каценельсон с двумя сыновьями депортирована в Трешлинку. 6 сентября на ул. Мила немцы провели последнюю «селекцию»; из гетто были депортированы в Трешлинку 300 000 евреев. В гетто осталось около 65 000.

18 января 1943 г.— первое восстание Варшавского гетто; после четырехдневных боев Гиммлер издал приказ: ликвидировать Варшавское гетто и отправить всех жителей в лагеря. 19 апреля началось второе восстание; бои длились 27 дней. У немцев были танки, у евреев почти одни только пистолеты. 16 мая СС объявило о конце боев и окончательной ликвидации еврейского района Варшавы. Весь район гетто был сожжен. Погибло более 65 000 евреев.

Во второй половине мая Каценельсон и его сын Цви, которого руководители восстания 20 апреля сумели вывезти из гетто с заданием — написать историю восстания,— были перевезены в лагерь на территории Франции, в г. Виттель. У Каценельсона был фальшивый латиноамериканский паспорт, и он надеялся, что его обменяют на каких-то немцев.

С 3 октября до 18 января Каценельсон пишет в Виттеле «Сказание об истребленном еврейском народе».

18 апреля 173 еврея были депортированы из Виттеля в Дранси, и оттуда — 1 мая 1944 г.— в Освенцим. Два дня спустя они погибли в газовой камере. Среди них были Ицхак и Цви Каценельсоны.

В августе 1944 г. Мириам Нович откопала под деревом в Виттеле три бутылки, содержавшие рукопись поэмы Каценельсона. В конце 1945 г. поэма была опубликована в Париже на языке идиш.

От переводчика

Книга Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе» (окт 1943 — янв 1944) появилась в Германии в 1994 году, вышла она на двух языках. в оригинале, на идише, и в переводе Вольфа Бирмана по-немецки Текст на идише напечатан в латинской транскрипции с многочисленными рукописными примечаниями — лингвистическими, реальными, историческими Таким образом, я мог беспрепятственно его читать. Начав, я был не в состоянии ни остановиться, ни даже отвлечься поэма затягивает, будоражит все чувства, ошеломляет, потрясает

За более чем полвека об истреблении евреев, об Освенциме и Трешлинке написаны тома воспоминаний и исследований, об этом снят документальный фильм Жака Ланцмана «Шоа», создано стихотворение Пауля Целана «Фуга смерти» Называю только важнейшие документы и свидетельства проклятой эпохи, сатанинских лет гитлеризма, когда германская нация была сведена с ума несколькими фанатиками-демагогами и превратилась в многомиллионную банду садистов, вандалов, убиц. Пишу эти строки и сознаю, что нет никаких слов — ни на одном человеческом языке,— чтобы назвать людей тридцатых-сороковых годов, которые с неправдоподобной систематичностью уничтожали других людей,— от новорожденных младенцев до глубоких стариков Несмотря на усилия множества историков, философов, беллетристов, социологов, поэтов, мы так и не поняли, как соотечественники и наследники Гете, Рильке, Моцарта, Шуберта, Гегеля могли с воодушевлением призывать к уничтожению Гейне, Мендельсона, Малера, Ханны Арендт, Целана. И не только призывать, но и физически истреблять евреев всей Европы. Может быть, самая убииственная книга, созданная об этом,— опубликованный в Германии в конце девяностых годов дневник Виктора Клемперера, профессора Дрезденского университета по французской литературе, апологета немецкой культуры и хранителя немецкого языка Клемперер изо дня в день повествует (обращаясь не к читателям, а только к самому себе) о постепенном вытеснении евреев из Германии — оно начинается с запрета про-

фессору-еврею задавать вопросы студенту-арицу, с запретов еврею печатать на машинке и даже владеть таковой, держать домашних животных и птиц, ходить по левой стороне улицы, брать книги в библиотеке и даже перелистывать их в читальном зале, оно кончается депортацией и смертью в газовой камере Виктор Клемперер чудом остался жив, чудом сохранился дневник, опубликованный его близкими через почти пятьдесят лет; этот дневник — феноменальный документ времени и памятник мужеству человека, который отнюдь не был героем.

Ценность дневника — в его абсолютной непосредственности он не имеет никакого отношения к литературе, он только закрепляет события в набегающих словах, не догадываясь о будущем. Мы бедны словами: глагол «читать» относится одновременно к роману, стихам и дневнику. А ведь имеют место совершенно разные психологические процессы: читая роман, мы следим за жизнью придуманных персонажей, постоянно зная, что они — плод писательского воображения; читая дневник, мы живем вместе с его автором, замещаем его, невольно отождествляем себя с ним. Читая стихотворение, мы заражаемся художественной эмоцией поэта, мы вместе с ним творим гармонию. После того как я, с бессонницами и головной болью, пережил двенадцать лет жизни Виктора Клемперера, я долго не мог заставить себя вернуться к другому чтению, к восприятию романов: дневниковая достоверность убивает всякий интерес к писательскому воображению; может ли роман соперничать с реальностью?

* * *

В поэме Ицхака Каценельсона безусловность и непосредственность дневника сосуществуют с эмоциональной неотразимостью искусства. Все то, о чем еврейский поэт пишет в своем «Сказании...», он пережил сам. Рассказано о том, как он когда-то писал пьесу для Варшавского сиротского дома, как эту пьесу исполняли мальчишки, кто и как играл ту или иную роль и

даже какая судьба постигла родителей юных актеров Мы узнаем о жене автора Хане об их детях о возрасте и характере каждого из трех сынов и, о мужественном поведении Ханы в дни немецкой оккупации Польши — о ее решении взять на себя ответственность за судьбу мальчиков лишь бы предоставить мужу хоть какой то шанс на спасение Мы узнаем о гибели семьи, — поэт не щадит ни себя, ни нас Каценельсон рассказывает о юденратах и о председателе правления общины покончившем с собой о невообразимой деятельности еврейских «полицаев», о восстании в Варшавском гетто и некоторых его руководителях и героях, о возвращении спасшихся, казалось бы, евреев беглецов к себе домой — чтобы умереть там где выросли их дети и внуки Всё это — достоверные свидетельства человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь каждый эпизод своего изложения.

Поразительно, однако вот что. перед нами в то же время поэма, построенная на основе строгающих законов художественной гармонии, пятнадцать песен по пятнадцать строф в каждой, 15 × 15 = 225 Первые восемь песен состоят из четверостишии с перекрестными рифмами, причем почти все рифменные окончания — мужские, вторая половина поэмы — семь песен, содержащих восьмистрочные строфы, в которых рифмуют четвертая строка с восьмой Каждая песня посвящена отдельной теме, каждая обладает сюжетно-тематической и образной целостностью. В зависимости от тем и сюжетов видоизменяется поэтический стиль некоторые песни выдержаны в духе торжественной библейской патетики другие — в духе повествовательной разговорности, третьи обладают чертами лирического стихотворения, четвертые построены по законам драмы Всё это разностилье сливается в эпическом единстве «Сказания», оно восходит в конечном счете к Дантовой «Божественной Комедии», с которой поэму Ицхака Каценельсона роднят и соединение документальной основы с поэтическим вымыслом, и гармоническое совершенство художественной композиции, и взрывчатое сочетание разных, порою противоречивых, речевых стилей

* * *

Переводя я стремился воспроизвести по-русски все эти особенности еврейского подлинника. Строфика «Сказания» повторяет оригинал, однако, следуя требованиям классической русской традиции, я придаю метрико-ритмической структуре большую регулярность (в этом отношении ориентируясь на опыт Н. Заболоцкого, переводчика «Слова о полку Игореве»). Одной из моих главных забот было — воссоздать многообразную ассоциативность поэмы, в которой звучат то пафос пророков Иезекииля и Исаии, то голос Хаима Нахмана Бялика автора поэмы о Кишиневском погроме 1903 года, то интонации Шолом-Алейхема, то ритмы Саула Черниковского. Эти ассоциации могут дойти только до хорошо подготовленного читателя (например, читающий песнь девятую, адресованную «Небесам», должен вспомнить поэму Бялика в переводе В. Жаботинского: «Небеса, если в вас, в глубине синевы / Еще жив старый Бог на престоле...»); однако переводчик льстит себя надеждой, что они — дойдут.

* * *

Особая благодарность — Арно Лустигеру, автору ценных исследований о сопротивлении евреев нацистскому террору, он взял на себя немалый труд по транслитерации текста поэмы латинским шрифтом. Эту работу А. Лустигер исполнил для немецкого поэта-песенника Вольфа Бирмана, которому я выражаю благодарность за немецкий поэтический перевод, до некоторой степени облегчивший мою задачу, и за статьи о жизни и творчестве Ицхака Каценельсона, одну из них я счёл целесообразным перевести на русский и, включив в настоящее издание, предложить вниманию русского читателя.

Сказание
об истребленном
еврейском народе

*Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk*

Handwritten text in Yiddish, likely lyrics or a commentary, written diagonally across the bottom right corner of the page. The text is written in a cursive script and includes phrases such as "די גאנצער יודישער פאלק" (The entire Jewish people) and "די גאנצע וועלט" (The whole world).

Sing!

1.

«Sing! nem dein harf in hant, hojl, ojsgehojlt un gring,
ojf seine strunes din, warf deine finger schwer,
wie herzer, wie zewehtikte, dos lied dos letzte sing,
sing vun die letzte jidn ojf Ejropes erd».

2.

— Wie ken ich singen? wie ken ich efenen mein mojl
as ich bin geblibn ejner nor alejn —
mein weib un meine ojfelech die zwej — a grojlt
Mich grojlt a grojlt ... me wejnt! ich her weit a gewejn —

3.

«Sing, sing! hejb ojf zewehtokt un gebrochtun hojch dein stim
Such! such ihm ojf dort ojb, ojb er is noch do —
un sing ihm ... sing dos letzte lied vun letztn jidn ihm,
gelebt, gestorbn, nischt bagrobn un nischo...»

Пой!

1.

Пой вопреки всему, наперекор природе.
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!
Спой песнь последнюю о гбнущем народе,—
Её безмолвно ждет последний иудей.

2.

— Могу ли петь? Гортань перетянуло страхом.
Один, как перст один... Могу ль разжать уста?
Мертва жена, мертвы два птенчика... Всё — прахом.
Для ужаса нет слов. Нет звуков. Немота.

3.

Пой! Голос подними! Пусть ОН услышит, если
Там, наверху, ОН есть... Пусть долетит, певец,
К НЕМУ последний звук твоей последней песни:
Последнего из нас чудовищный конец.